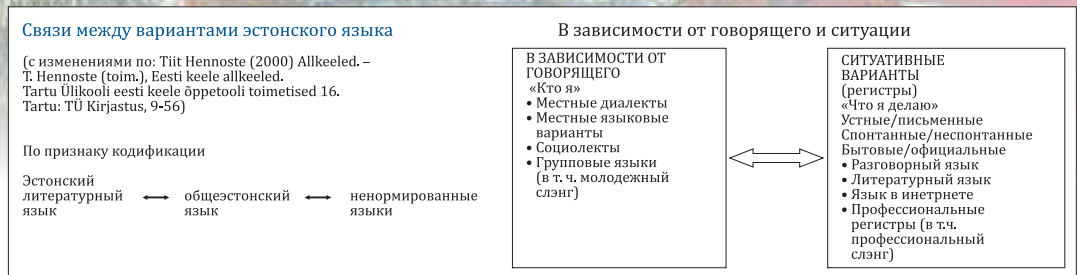

Варианты эстонского языка

Ни один живой язык не является однородным. В разных ситуациях, с различными собеседниками, в разных местностях язык неизбежно употребляется по-разному. Поэтому можно говорить о различных языковых вариантах, которые иногда в эстонской традиции называют подязыками (*allkeeled*). Количество языковых вариантов, их возникновение и взаимосвязи зависят от социокультурных особенностей данного общества, от бытующих взглядов, языковой ситуации и пр. Термин «подязык» или «языковой вариант» не обозначает иерархические отношения, а, скорее, разнообразие форм языка, стоящих за условным лингвонимом («эстонский язык», «немецкий язык»). Между различными языковыми вариантами нет четких границ, а есть плавные переходы.

Языковые варианты можно рассматривать с двух позиций: **в зависимости от говорящего**, или **от ситуации**. Если исходить из говорящего, то можно выделить диалекты (местные или территориальные языковые варианты) и социальные диалекты (или социолекты); если же исходить из ситуации, то в таком случае языковыми вариантами окажутся различные регистры, для различения которых важно деление на письменное/ устное употребление, отредактированную/спонтанную речь, диалог/монолог, бытовую/официальную речь и пр. В эстонской традиции важным языковым вариантом считается литературный язык и близкие к нему варианты.

Литературный язык – это высоко котирующийся языковой вариант, поскольку он является символом эстонской нации. Литературному языку можно дать разные определения. В эстонской традиции литературный язык противопоставляется местным диалектам. С течением времени это противопоставление потеряло значимость, поэтому разумно дать определение эстонскому литературному языку по признаку кодификации. Кодификация означает фиксирование языковой нормы в грамматиках, словарях и пр.; таким образом, наиболее нормированной является эстонская грамматика и, в меньшей мере, лексикон. В то же время, невозможно кодифицировать языковую систему раз и навсегда, не говоря уже о кодификации всего языка. Естественнo, что язык развивается во времени и в пространстве, поэтому норма тоже меняется.

В эстонской традиции часто говорят об **общэстонском языке** (*ühiskeel*). Считается, что автор этого термина Андрус Сааресте. Ранее общэстонский язык противопоставлялся местным диалектам, потому что это разговорный и бытовой вариант эстонского языка, который, тем не менее, основан на литературном языке. В наше время целесообразно рассматривать этот вариант эстонского языка как общую часть всех языковых вариантов. На нем говорят друг с другом люди из разных местностей Эстонии, разных специальностей, из разных слоев общества и т.д.

Как уже было сказано, между языковыми вариантами нет четких границ, и некоторые варианты отличаются от других только лишь лексиконом и особыми конструкциями, а не на всех уровнях языка. Часто в пример приводится **слэнг**. Слэнг – это не «плохой» язык, он свойствен не только молодежи. Интересы группы и общность ее действий выражается и в языковом употреблении, поэтому существует молодежный слэнг, но так же и профессиональный слэнг (врачей, программистов и т.д.). Важным языковым вариантом со специфическим лексиконом являются **профессиональные языки**. Их тоже стараются систематизировать и нормировать. Следует говорить о различных профессиональных языках, поскольку специфических профессиональных областей очень много. Иногда профессиональная терминология совпадает с бытовым лексиконом, например, и астроном, и непрофессионал употребляют слова *звезда* (*täht*) и *планета* (*planeet*). Но если для ученого очевидна разница между ними, то в обычной речи мы говорим: *Звезды сияют* (*Tähed säravad*), хотя, строго говоря, среди них есть и планеты (фраза *Звезды и планеты сияют* – *Tähed ja planeedid säravad* звучит в бытовом языке комично). Иоханнес Вольдемар Вески является одним из лингвистов, которые сознательно формировали профессиональные языковые варианты эстонского языка и использовал для этого диалектные слова.

В 1920-1930-е годы в Эстонии было существенно различие между местными диалектами и формирующимся литературным языком. В ранний период существования Эстонской Республики было важно, чтобы все жители Эстонии, в том числе и говорящие на местных диалектах, овладели эстонским литературным языком. В то время отношение к местным диалектам в Эстонии было таким, как и повсюду в Европе: диалекты надо изучать, они являются источником обогащения литературного языка и наследием, которое содержит информацию об истории языка и его изменении; но в то же время следует стремиться к общему языковому варианту, который базируется на литературном языке. Некоторое время говорилось о выравнивании местных диалектов под влиянием всеобщего распространения литературного языка, прессы и телевидения, но все же диалекты не пропали бесследно. Хотя они и не сохранились в первозданном виде, некоторые диалектные черты стали признаками региональной идентичности. Поэтому можно говорить о **региональных вариантах** эстонского языка, в которых присутствуют некоторые диалектные особенности. Таким образом, с чужими и в неродной местности можно общаться на общэстонском языке, а дома и с ближайшими соседями на языковом варианте с большей или меньшей диалектной окраской.

Бурное развитие современного эстонского литературного языка как символа формирующейся нации во второй половине 19-го века совпало с постепенным разложением старого сословного общества. Это означало одновременно и новые соотношения между языковыми вариантами: эстонский литературный язык задумывался как объединяющий вариант, одинаково доступный и горожанам, и сельским жителям, как эстонцам, так и этническим меньшинствам. По историческим причинам, в Эстонии не было аристократии, которая говорила бы на эстонском языке; до периода национального пробуждения во второй половине 19-го века экономическую и культурную элиту составляли немцы, позже к ним прибавились русские. Поэтому, в отличие от старых государств, в Эстонии отсутствовала своя национальная элита, язык которой можно было бы взять за образец. В Эстонской Республике, провозглашенной в 1918 г., не было сословных различий. По всем этим причинам и также из-за того, что эстонское общество мало, в Эстонии не сформировались социолекты (т.е. языковые варианты, которые отражают социальную принадлежность говорящего).

Выше шла речь о выделении языковых вариантов по признаку говорящего. Если человек говорит на литературном языке или на диалекте/ варианте с диалектной окраской, его речь показывает, кто он. Если говорить о языковых вариантах по признаку ситуации, то они свидетельствуют о том, в каких обстоятельствах говорящий находится, с кем говорит/кому пишет. Ситуативные варианты называются **регистрами**. Существует официальные/бытовые, письменные/ устные, спонтанные/ бытовые регистры. Употребление определенных выражений указывает на то, что мы имеем дело с официальным регистром. Использование профессиональных терминов показывает, что говорящий беседует о своей специальности или о специфических сферах (право, финансы и т.д.). Неизбежно устный и письменный регистр различаются, поскольку написанию предшествует планирование, письменный текст можно редактировать, а устный текст спонтанный. Устной речи свойственны колебания, повторы, паузы и пр. Если раньше считалось, что только письменный язык является достойным предметом исследования, то во второй половине 20-го века отношение исследователей изменилось: надо изучать, как язык употребляется в действительности. Эстонский устный язык начали исследовать в 1990-х гг в Тартуском Университете, где и составили соответствующий корпус.

Соотношения между ситуативными языковыми вариантами и вариантами, выделяемыми по признаку говорящего, не всегда ясны. Если житель Южной Эстонии едет по делам в столицу, он говорит на общэстонском языке, а дома на языковом варианте с большей или меньшей диалектной окраской. Таким образом, употребление этих вариантов не только дают информацию о том, кто этот говорящий, но и о том, чем он в данный момент занят (делами в городе или дома).

В течение последних 15 лет следует говорить и о письменном спонтанном общении: общение в интернете совмещает черты и письменного, и устного регистра.

Литература

Hennoste, T. 1999 (toim.). Estonian sociolinguistics. International Journal of the Sociology of Language 139.
Hennoste, T. 2003. Изучение использования языка. Ежегодник Общества родного языка 2002, № 48, 217-262.
Keevallik, L. 2003. Colloquial Estonian. In: M. Erelt (Ed.) Estonian Language. Linguistica Uralica Supplementary Series 1, 342-378.
Vainola, K., Kaplinski, L. 2003. Словарь эстонского сленга. Изд. А. Аule. Таллинн: Издательство Aule Kirjastus

Обзор подготовлен Обществом родного языка, Министерством образования и науки Эстонии.
Текст: Анна Верщик. Оформление: Маргус Нымм, Центр мультимедии Тартуского университета, 2008.